

зия — труд, форма деятельности, творчество, которое есть высшее проявление ее духовности. Традиционно высокое, надындивидуальное, очищенное от всякой «земности» дерзко предстало в «Осени» как обыкновенное. Обыкновенна жизнь Пушкина в помещицкой усадьбе, обыкновенна северорусская природа в пору своего увядания, обыкновенны не только любимые занятия Пушкина-человека («Ведут ко мне коня; в раздолии открытом, махая гривую, он всадника несет...»), но и обращение к творчеству Пушкина-поэта («И с каждой осенью я расцветаю вновь... И забываю мир — и в сладкой тишине я сладко усыплен моим воображеньем, и пробуждается поэзия во мне...»). Образ поэта дан в точно выписанном бытовом окружении, «пробуждение поэзии» предстает как проявление духовной деятельности данной личности, в обстоятельствах, мотивированных его жизнью. Оттого стихотворение насыщено буднично-бытовой лексикой, словами, которые сам Пушкин называл «прозаизмами». Но стихотворение не стало жанровой картиной жизни в Болдино. Произошло чудо — через быт неистовым светом засветилось бытие духа. Обыкновенное вдруг оказалось преображенным и предстало самой возвышенной поэзией. Эту особенность реалистического лиризма Пушкина отлично понимали его современники. Один из них так определил это чудо: «Читая Пушкина, кажется, видишь, как он жжет выжугу из обносков: в один удар тряпье в золу, и блеснит чистый слиток золота».⁹

«Осень» — одно из вершинных созданий Пушкина-лирика, важнейшая веха в развитии реалистической лирики. Но и это стихотворение имеет свои корни в предшествующей традиции. Пушкин сознательно подчеркнул это, взяв эпитафией стих из Державинской «Жизни Званской». «Жизнь Званская» — первый опыт в новом, идущем в русле «поэзии действительности», решении темы творчества и поэта. Именно здесь поэт раскрыт в своей биографической конкретности и бытовом окружении. Здесь истоки пушкинской способности, неоднократно подчеркивавшейся Белинским, делать поэтическими самые прозаические предметы. Тематическая близость «Осени» к «Жизни Званской» проявляется в том, что она является как бы описанием «Жизни болдинской».

Но пробывать тропу в неведомый мир новой поэзии нелегко. Печать ограниченности лежит на стихах Державина. Быт у него не переходит в бытие — он соседствует с поэтом,

⁹ Пушкин в воспоминаниях современников. Гослитиздат, М., 1950, стр. 457.